

Я выбрал правильный путь

Интервью с Рахимом Мусаевичем Хаитовым, д.м.н., профессором, академиком РАН, научным руководителем ФГБУ «Государственный научный центр «Институт иммунологии» Федерального медико-биологического агентства, Президентом Российской ассоциации аллергологов и клинических иммунологов (РААКИ), главным внештатным аллергологом-иммунологом Министерства здравоохранения Российской Федерации, заслуженным деятелем науки РФ.

Р. М. Хаитов — известный советский и российский иммунолог, внес значительный вклад в развитие фундаментальных и прикладных аспектов иммунологии, иммуногенетики и биотехнологии. Является лауреатом Государственных премий РФ, дважды лауреат премии Правительства РФ, заведующий кафедрой клинической аллергологии и иммунологии МГМСУ. Член президиума Российского научного общества иммунологов (РНОИ), входит в состав Советов национальных обществ Европейской академии аллергологии и клинической иммунологии (EAACI) и Всемирной аллергологической организации (WAO). Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Почета, орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV ст., премией Ленинского комсомола (1973) — за экспериментальный анализ практически значимых проблем трансплантации кроветворных тканей облученным реципиентам, государственной премией Узбекской ССР, государственной премией Российской Федерации за работу «Конъюгированные полимер-субъединичные иммуногены и вакцины» (2001), Государственной премией Российской Федерации за выдающиеся достижения в научном и практическом развитии отечественной иммунологии (2011), премиями Правительства РФ и др.

Беседовала главный редактор журнала «Медицинский оппонент», д.м.н. С.В. Камзолова

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хаитов Р.М., Камзолова С.В. Я выбрал правильный путь. Медицинский оппонент 2019; 4 (8): 7–11.

I chose the Right Way

Interview with Rakhim Musaevich Khaitov, Acad. RAS, Scientific Head of the Institute of Immunology Federal Medical-Biological Agency of Russia, President of Russian Association of Allergology and Clinical Immunology, Chief non-staff Allergist-Immunologist of the Ministry of Health of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation.

R. M. Khaitov, a well-known Soviet and Russian immunologist, who has made a significant contribution to the development of fundamental and applied aspects of immunology, immunogenetics and biotechnology. He is the laureate of the State Prize of the Russian Federation, twice the laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, the Head of the Department of Clinical Allergology and Immunology of the Moscow State Medical University. Member of the Presidium of the Russian Scientific Society of Immunologists (RNOI), member of the Councils of the National Societies of the European Academy of Allergology and Clinical Immunology (EAACI) and the World Allergy Organization (WAO). Rakhim Musaevich Khaitov was awarded the Order of the Red Banner of Labor, the Order of Honor, the Order of Merit for the Fatherland, 3rd and 4th centuries, the Lenin Komsomol Prize (1973) for the experimental analysis of practically significant problems of hematopoietic tissue transplantation to irradiated recipients, the state prize of the Uzbek SSR, the state prize of the Russian Federation for his work «Conjugated polymer subunit immunogens and vaccines» (2001), the state award of the Russian Federation for outstanding achievements in the scientific and practical development vein immunology (2011) and others.

Interviewed by the editor-in-chief of the journal «Medical opponent», PhD S.V. Kamzolova

FOR CITATION: Khaitov R.M., Kamzolova S.V. I chose the right way. Meditsinskiy opponen=Medical opponent 2019; 4 (8): 7–11.

— Рахим Мусаевич, РААКИ сегодня — это мощная организация во всем мире. Какие этапы и трудности Вам пришлось пройти на пути становления отечественной иммунологии и создания профессиональных конгрессов?

— Конгресс аллергологов и иммунологов проходит в этом году в пятнадцатый раз. Первый проходил в 1997 году, и за это время в аллергологии и иммунологии произошли колоссальные изменения. Иммунология всегда была очень динамичной сферой и быстро развивалась, а сейчас — тем более держит темп, нужно только успевать следить. И это, надо сказать, не просто. Конечно, люди, которые занимаются фундаментальной наукой, находятся в курсе дела, но мы заботимся о клинических иммунологах и аллергологах, а именно — врачах. Им трудно. Тем не менее, не без помощи наших отделений удастся достичь определенных успехов. Когда проходил первый конгресс, РААКИ только образовалась. Сейчас нам гораздо легче работать, поскольку наши отделения теперь работают по всей России и тесно взаимодействуют между собой. У нас есть свой сайт, есть возможность постоянно обмениваться опытом, информацией. Мы вместе готовим клинические рекомендации, сегодня это очень важно. Это сложное и важное дело для науки и профессионального обучения врачей. Во всем мире многое, что касается иммунологии, уже освоено. Мы также, благодаря слаженной работе Ассоциации, успешно делаем большие шаги в этом направлении.

К сегодняшнему конгрессу мы подошли с большими достижениями в разных областях. Например, в области клинических рекомендаций мы привнесли огромное число разработок — стандартов, других нормативных документов. Ведь именно благодаря этому клиницисты научились очень быстро осваивать последние достижения фундаментальной науки. Это необходимо, чтобы внедрять их в работу клиницистов для диагностики, профилактики, лечения самых разных заболеваний. Сегодня практически нет болезни, которая не была бы связана с иммунными расстройствами.

— Аллергия — начало начал в любой болезни?

— На самом деле, аллергия охватывает 30% пациентов. Если рассматривать другие иммунные расстройства: сахарный диабет, аутоиммунные заболевания, любую онкологию, связанную с нарушениями иммунной системы, то это — большая часть населения. Поэтому иммунологи сейчас очень востребованы, и наши методы диагностики и лечения широко используются во врачебной практике. Последнее достижение было связано с моноклональными антителами — был разработан целый ряд таких антител, которые уже используются в клиниках для таргетного, целевого лечения рака. Моноклональные антитела — это уникальный, очень эффективный инструмент. Прогресс в науке колоссальный.

— Как Вы считаете, мы отстаем от других стран в развитии иммунологии и аллергологической науки?

— Есть вещи, по которым достаточно трудно провести сравнение. Но у нас — сильнейшие достижения в тех сферах, где мы являемся лидерами среди

других стран. Например, вакцины нового поколения, которые были разработаны в Институте иммунологии, до сих пор очень популярны и применяются не только в России и в странах ближнего зарубежья, но и на Западе, в частности, вакцина против гриппа. Все это очень важные и существенные достижения в мире медицинской науки. Сейчас мы работаем над созданием вакцины против аллергии. Полагаю, что, если через несколько лет нам это удастся, будет еще один колоссальный рывок в профилактике и лечении аллергических заболеваний. Во всяком случае, доклинические исследования весьма успешны.

— Какие еще открытия стоят «на пороге»?

— В нашей стране во врачебной практике используют десятки препаратов-иммуномодуляторов, которые укрепляют иммунную систему. Насколько я знаю, на Западе и в Америке используются всего два-три препарата. Почему возникают частые инфекционные болезни, а тем более — рак? Потому что иммунная система слабеет. Если иммунная система отдельно взятого человека нормально функционирует, то человек не должен болеть. Важно знать, в каком состоянии находится ваша иммунная система. Если выявлен иммунодефицит — необходимо лечение. Серьезная проблема в том, что сложно определить необходимость того или иного препарата. Сейчас на рынке очень много лекарственных средств, которые называются иммуномодуляторами, а на самом деле таковыми не являются. Зайдите в любой продуктовый магазин, аптеку, везде написано — «укрепляет иммунитет», вас просто завалят такого рода «лекарствами». Я считаю, что нужно спасать иммунологию от таких препаратов.

— Как понять пациенту, что ему следует принимать?

— Необходимо пойти на прием к лечащему врачу-иммунологу, клиническому иммунологу. Можно обратиться в Институт иммунологии ФМБА России, лаборатории иммунологии при государственных больницах. Безусловно, есть хорошие, сильные специалисты и в частных клиниках. Но именно в области иммунологии лучше идти в государственные учреждения, поскольку наши достижения еще не полностью дошли до всех частных заведений.

— Ваши воспитанники и сотрудники недавно выиграли Мегагрант Правительства РФ. Как получилось, что было выбрано именно Ваше учреждение?

— Мы постарались и сделали очень хороший, оригинальный проект. Впервые в мире он направлен на создание вакцин против аллергии. Мы с сильнейшим ученым из Австрии Рудольфом Валентой объединились и выиграли этот проект, чем, несомненно, очень гордимся.

— Видите ли Вы будущее в объединении наших и зарубежных ученых?

— Конечно. Мы всегда так работали. Даже в самые тяжелые времена железного занавеса, царившего в Советском Союзе, я ездил за границу, и мы проводили очень много совместных работ с американцами, западными европейцами. Сейчас, как ни странно, гораздо сложнее взаимодействовать с западом,

чем тогда. Парадокс! Раньше я приезжал в Америку, и нас встречали как самых близких людей, долгожданных и уважаемых гостей, с овадиями: приехали советские ученые! А сейчас никого этим не удивишь.

— Чего, по Вашему мнению, не хватает аллергологии во всем мире?

— Аллергология и иммунология развиваются быстрее и стремительнее, чем любое из научных направлений. В прошлом году две Нобелевские премии по физиологии и медицине получили иммунологи. Если взять весь список лауреатов Нобелевских премий по физиологии и медицине, больше половины из них — иммунологи. Это успешная наука. У нас есть все. Конечно, мы время от времени жалуемся, что нам не хватает финансирования, но сейчас у нас есть гранты и множество других возможностей. Если такая политика и отношение руководства к науке сохранятся, то все, что запланировано, будет реализовано.

— В каких странах иммунология достигла наибольших результатов? Куда, по Вашему мнению, стоит посылать наших специалистов на обучение?

— Есть сильные центры в Австралии, целых два института иммунологии в маленькой Швейцарии, в западной Европе есть много лабораторий, в Америке — ни одного института иммунологии, но есть много профессиональных лабораторий.

— Там не стремятся к созданию институтов?

— Все зависит от особенностей структуры. В маленькой Швейцарии — два института иммунологии, в огромной России — один институт, в Америке — ни одного. В Австралии — известный Институт Уолтера и Элизы Холл. Там работал знаменитый Фрэнк Макфарлейн Бернет, лауреат Нобелевской премии. Кстати говоря, этот институт не называется институтом иммунологии, но там нет ни одной лаборатории, которая бы не называлась иммунологической.

— Всегда ли у иммунологов была поддержка со стороны правительства?

— Я не могу сказать, что я когда-либо был обижен со стороны руководства. Так сложилось, что нас всегда понимали и поддерживали и руководство, и ведомственные организации, потому что иммунология — это очень важный компонент в составе большой политики, которая называется биологическая и биомедицинская безопасность страны. Это всегда одинаково хорошо понимали и в Советском Союзе, и сейчас. Поэтому у меня нет никаких оснований говорить о том, что нас не понимают или не поддерживают.

— Как сформировался Ваш характер и профессиональные предпочтения? Вы выросли во врачебной семье?

— У нас в семье была династия врачей, папа был врач, мама — тоже врач. Но родители были клиницистами, а я понял, что мое место в науке. Я был студентом, занимался научной работой, у меня был замечательный, очень сильный преподаватель. Изначально я исследовал влияние облучения на размножение клеток, регенерацию тканей. А потом быстро увидел, что главное в этом — участие иммунной системы, и быстро увлекся иммунологией.

Еще когда я был студентом, у меня уже были статьи в центральных журналах. К окончанию института я понимал, что буду иммунологом. Я окончил институт и сразу защитил кандидатскую. Я был самым молодым кандидатом наук в Советском Союзе в двадцать четыре года.

Впоследствии, чтобы заниматься серьезной иммунологией, я поехал в Москву. Тогда еще не было возможности поехать на Запад, и считаю, что выбрал правильное направление. Я был подготовленным человеком и попал в очень хорошую лабораторию, но где не могли освоить очень сложные методы цитогенетических исследований. Мне дали задание и сказали: «Если Вы освоите эти методы, мы примем Вас на работу. Даем Вам на это три месяца». А я очень хотел работать в лаборатории академика Р.В. Петрова. Тогда он был еще не академик, а доктор наук. Но я понимал, что это выдающийся человек. И не через три месяца, а через три недели я уже все наладил. Никто не мог в это поверить. Р.В. Петров тогда мне сказал: «Ты наладил методы, которыми никто в стране не владеет, ты непоколебим! Только просьба к тебе: обучи этим методам сотрудников». Я обучил сотрудников нашей и других лабораторий, а через два года, благодаря тому, что я первый это сделал, я защитил докторскую. И еще через полгода я получил Премию Ленинского комсомола. Был самым молодым лауреатом этой премии и самым молодым доктором медицинских наук в стране. Я очень горжусь этим достижением, поскольку это моя первая награда. Мой путь в науку был исключительно из любви к науке, но я никогда не был рабом на своем поприще, я работал как художник. Работа была в удовольствие. Я приходил в восемь, уходил иногда в два часа ночи.

— Сейчас все говорят про тайм-менеджмент и строгую дисциплину..

— В лаборатории Р.В. Петрова был тогда очень свободный режим. В иной день я мог вообще не прийти на работу и заниматься у себя дома (тогда еще в общежитии) написанием статей, как на Западе. Я потом ездил в Америку и видел, что там такая же свобода. Хочешь — придешь, хочешь — не придешь, главное, чтобы ты давал результаты.

— В профессии ученого-исследователя нельзя требовать соблюдения жестких рамок?

— Это же не завод, это же не гайки точить. Когда я стал доктором наук, профессором, я стал ездить в Америку, Европу, читать лекции. Там такая же обстановка, как у нас в лаборатории. Молодые люди, аспиранты, младшие сотрудники, должны иметь свободу творчества: хочет — на пляже пишет статью, хочет — на подоконнике сидит. Конференции проводятся, семинары: они обязательны. Я однажды получил приглашение поехать поработать в Америку — на два года или даже больше. Но я отказался. Зачем мне было уезжать, если мне нравилось работать и жить в Москве? Я понял, что выбрал правильный путь, и я всю жизнь был счастлив тем, что я работал в России. За границу я ездил часто, но на короткие сроки: на месяц, две недели, на неделю.

— По каким принципам Вы воспитали и привлекли в институт такую замечательную команду ученых?

— Надо сказать, что у нас это называется «школа», а не «команда». Я читал лекции в мединституте, находил молодых ученых, которые поступали ко мне в аспирантуру, в лабораторию младшими научными сотрудниками. Тогда мы очень сильно выросли и у нас образовалось много лабораторий иммунологии. Мы тогда отделились от Института биофизики и организовали Институт иммунологии. В основном я принимал всех на работу. Это было непросто. Приходили люди, я с ними беседовал, давал им задания, проверял их, только потом, при успешном выполнении, принимал их на работу. Поэтому в итоге у нас сложился сильный, мощный коллектив. Таким образом, никогда формально я на работу никого не брал. Почти за тридцать лет работы директором самым главным в моей работе всегда было — правильно отобрать молодого специалиста, чтобы потом он вырос в серьезного ученого.

— Ваш сын с детства занимался наукой. Он продолжает Ваши научные направления, которые были заложены изначально, или ему интересны другие?

— Мой сын, начиная с 7–8 класса, работал лаборантом. Потом он поступил в медицинский университет и продолжал работу в лаборатории. Он пришел к нам в качестве младшего научного сотрудника и таким образом сделал свою карьеру. Я за него ничего не делал, я просто иногда подсказываю правильный выбор. Мне нравится, что он развил абсолютно новые области иммунологии, которые полностью отличаются от тех направлений, которыми занимался и занимаюсь я. Я больше работал на клеточном, молекулярно-клеточном, геномном уровне. Он занимается очень интересными исследованиями на молекулярном уровне, разрабатывает вакцину от аллергии, ранее разрабатывал вакцину от инфекции, лекарство от аллергии. Это непросто и очень современно.

— У нас таких специалистов в стране мало, Вы согласны?

Да, у нас мало, его публикации размещены в самых лучших зарубежных журналах. Он четыре года был членом Исполнительного комитета Европейской академии аллергологии и клинической иммунологии, а ведь ни одному советскому или российскому специалисту тогда это не удавалось. И надо заметить, что он работал там два срока вместо одного, как это обычно принято. В порядке исключения, т.к. он очень хорошо работал, его избрали на этот пост еще раз. Теперь он председатель Экзаменационного комитета в Европейской академии, принимает экзамены у тех, кто сдает на профессора, у иностранцев.

— Это здорово! Скажите, а какими разработками или достижениями в своей научной деятельности Вы гордитесь?

— Я получил две государственные премии и две премии Правительства. Я действительно горжусь Институтом иммунологии и своими учениками.

— Есть ли такие вещи, которые не удалось сделать, и что еще хотелось бы сделать?

— Я такой человек, что, если ставлю цель, обычно ее добиваюсь. Бывает, когда что-то не получается,

случаются стрессы и переживания. Но по большей части я не отступаю.

— Есть ли у Вас кумиры?

— У меня было слишком много кумиров, и не только в науке. Меня спрашивают: Вам нравятся Высоцкий? Я отвечаю — конечно, да. Он Ваш кумир? Я говорю — нет, потому что у меня нет одного кумира, кумиров для меня много: Толстой, Хемингуэй, другие великие личности.

— Ваши главные учителя в жизни?

Прекрасные учителя у меня были в медицинском институте, в Москве — академик Рэм Викторович Петров, потом я сам стал учителем для моих учеников.

— Как Вы все успеваете и как строите свой день?

— Я самодисциплинирован. Я знаю, что мне надо сделать, когда я сажусь за работу. Мне не нужно писать дневник или календарь. Я знаю, что я буду делать завтра, послезавтра и на месяц вперед. И все держу в голове. Но на самом деле, каждый человек индивидуален. Каждый должен делать программу для себя лично. Не нужно никому подражать. Нужно быть самим собой. Я никому никогда не подражал.

Иммунология – это очень важный компонент в составе большой политики, которая называется биологическая и биомедицинская безопасность страны.

— Каким образом Вам в жесткое советское время удалось вырастить в себе такую яркую индивидуальность?

— Это были необыкновенные времена. Я был в лаборатории, где царила свобода, были отличные условия для работы, оборудование. Если взять мои публикации тех лет — я публиковался в лучших журналах Америки и Западной Европы.

— Что для Вас счастье и несчастье?

— Для меня счастье — это здоровье, которое мне необходимо для полноценной научной работы и занятия спортом. Это самое главное. Иногда, если случаются неудачи, расстраиваюсь. А так, пока мы есть, мы живем, чтобы радоваться жизни и наслаждаться каждой минутой, секундой. Жизнь прекрасна!

— У Вас есть хобби?

— Спорт всегда был моим хобби. Легкая атлетика, фитнес. Я всегда очень любил музыку, очень много читал с детства. Особенно с третьего, четвертого класса школы я «поглощал» огромное количество литературы.

— Чего Вы пожелаете читателям нашего журнала «Медицинский оппонент»?

— Успехов, здоровья, и, самое главное, хорошего иммунитета!